

В.В. Соловьева

г. Екатеринбург

**БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОТНИКОВ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ПОЛИТИКА
«ЗАКРЕПЛЕНИЯ КАДРОВ».
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОДНОГО
ПРОЕКТА 1945 года)**

Записка первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова на имя Г.М. Маленкова, озаглавленная «О мерах закрепления кадров в Свердловской области», обнаружена среди проектов постановлений СНК, касающихся жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства в Свердловске [3, л. 107–117]. Документ подписан 15 марта 1945 г. На нем стоит резолюция «в архив», датированная 29-м апреля того же года. Других прямых сведений о «судьбе» записки в деле не обнаружено.

Проблема «закрепления кадров» стала весьма существенной для советской власти еще в годы индустриализации. Решить ее пытались как «кнутом», так и «пряником». Если «кнутом» можно считать ужесточение трудового законодательства, то основным «пряником» – улучшение бытовых условий. В реалиях того времени последнее означало получение от государства тех первичных благ, без которых невозможна нормальная жизнь: жилищной площади, продуктов питания и промтоваров. Иными словами, материально-бытовое обеспечение работников можно считать одним из основных средств кадровой политики советской

власти. Угрозой лишения или обещанием получения, к примеру, жилья, можно было манипулировать людьми, направлять кадровые потоки и т.п.

Составители записки предлагают комплекс мер по привлечению и удержанию кадров в Свердловской области. С помощью анализа этого проекта можно сделать ряд наблюдений и выводов. Во-первых, можно составить представление о положении дел в области к концу войны и, следовательно, о государственной политике по отношению к данному региону. Во-вторых, видна позиция партийного руководства области и его намерения.

Во вводной части записки характеризуется кадровая ситуация в области на 1945 год: «за последние 3 года население области увеличилось на 28%, а количественный состав рабочих союзной промышленности – на 49%, но, несмотря на это, потребность в рабочей силе остается неудовлетворенной....».

По подсчетам исследователей, общее количество эвакуированных на Урал в 1941–1942 гг. составляло 2,2 млн. чел. [1, с. 227] Основная масса прибыла в крупные города Молотовской, Свердловской и Челябинской областей. Так, население г. Свердловска составляло на 1 января 1940 г. – 436,3 тыс. чел., а на 1 января 1943 г. – 548 тыс. [2, с. 41], т.е. возросло примерно на четверть. Кроме того, Комитетом по учету и распределению рабочей силы с февраля 1942 по август 1945 г. было мобилизовано на Урал более 1,2 млн. человек [1, с. 228].

В. Андрианов оценивает общую укомплектованность рабочей силой по предприятиям всех наркоматов в 1945 году в 90,6%. При этом, по данным источника, кадрами были не укомплектованы строительные организации, социально-бытовая и культурная сферы. По мнению А.А. Антуфьева, потребность промышленности Урала в кадрах была в основном удовлетворена к середине 1942 г. [1, с. 239].

Как отмечается в записке, «в настоящее время единственным источником пополнения рабочей силой предприятий области является мобилизация населения из других областей и за счет выпуска из ремесленных училищ и школ ФЗО... Тяжелое положение усугубляется еще и тем, что

большинство трудящихся, прибывших по эвакуации и мобилизации, проявляет стремление вернуться к прежнему месту жительства».

В 1944 году, по данным источника, убыль рабочих основного производства была больше чем прибыль на 2%. «Текучесть была значительной и в довоенное время. В 1941 г. за январь-май – 16% к наличию, но она компенсировалась привлечением рабочей силы за счет резервов внутри области, исчерпанных к настоящему времени». Текучесть кадров во время войны, как показывают данные годовых отчетов предприятий, по-прежнему была существенной. Ежегодно с производства «сбегало» не менее 100–150 тысяч человек (большинство как раз были ученики ФЗО и РУ, мобилизованные) [1, с. 262].

Признание факта исчерпанности местных ресурсов означает, что предприятия пополнялись рабочей силой в основном за счет прибывавших преимущественно из центральной России выпускников ремесленных училищ, зачастую не имевших с собой даже самых необходимых вещей (например, обуви). А также за счет мобилизованных из Средней Азии, не готовых к работе в уральских условиях и массово погибнувших на предприятиях и стройках. Мобилизация населения проводилась «на время войны» и предполагалось, что после ее окончания мобилизованные смогут вернуться к своим прежним занятиям и месту жительства. Более того, от неквалифицированных кадров стремились «избавиться»: так, мобилизованных из Средней Азии в 1944 г. стали массово отправлять на родину.

Гораздо больший интерес в плане «закрепления» представляли квалифицированные эвакуированные кадры, «особенно из южных и центральных районов Советского Союза». Одной из первых мер политики по закреплению эвакуированных работников было Постановление СНК СССР от 16.02.1942 г. «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток», в котором говорилось о том, что существовавшая прежде практика

закрепления за эвакуированными оставшихся на прежнем месте жительства квартир является «неправильной», поскольку «мешает делу закрепления рабочих и служащих на новом месте работы» [4, с. 22].

В отношении эвакуированных использовался также метод «убеждения». Так, представитель пропгруппы ЦК ВКП(б) в выступлении перед рабочими Уралмаша в феврале 1944 г. говорил о том, что «некоторым придется сознательно остаться», поскольку «нельзя же родной завод оголить, бросить на произвол судьбы и уехать». В то же время он признавал право эвакуированных рабочих на достойные условия жизни: «нельзя допустить такого положения, чтобы, скажем, ленинградский рабочий, который жил в благоустроенных квартирах и вел культурную жизнь, здесь был обречен на трудную жизнь в простых бараках на окраине города» [7, л. 21].

В.М. Андрианов дает следующие объяснения «непривлекательности» области для проживания: «Суровость климатических условий, ограниченные возможности развития сельского хозяйства в области в части выращивания бахчевых, садовых и ряда огородных культур, значительное отставание жилищно-коммунального строительства от темпов развития промышленности, отрицательно сказывается на вопросах привлечения и закрепления рабочей силы». После этого следует перечисление конкретных проблем. Во-первых, жилищная: на одного жителя Свердловска до войны приходилось 3,6 кв м, а в 1944 г. – 2,8 кв м. Во-вторых, высокие цены на товары первой необходимости: «Прожиточный минимум в области довольно высок. Рыночные цены исключают возможность для трудящихся обеспечить потребность в продуктах питания через рынки, и основным источником снабжения остаются нормированные продукты, получаемые через государственную торговую сеть».

Все эти отрицательные моменты в записке поданы как объективные трудности без конкретных «иллюстраций», которые можно было бы привести и которые приводились в других докладных записках. Например, от имени того же В.М. Андрианова в том же 1945 году направлена записка

В.М. Молотову, в которой показана ситуация с централизованными фондами на промтовары. «Несмотря на значительное увеличение населения, фонды по основным промышленным товарам резко уменьшились. Более того, даже эти **незначительные** (выделено мной — В.С.) фонды систематически не выполняются, выделяемые фонды на промышленные товары ежеквартально не отовариваются... Только 47 тыс. семей военнослужащих не имеют обуви, 23 тыс. верхней одежды, также плохо обеспечиваются инвалиды войны и мы не в силах оказать помощь на месте. В текущем году по учетным данным 10 000 детей не имеют обуви и одежды. На заводе № 183 НКТП до 25% рабочих не обеспечены верхней одеждой и обувью, у 40% рабочих в общежитии постельные принадлежности пришли в ветхое состояние. На заводах № 56 и 63 НКБ значительная часть рабочих, особенно прибывшие по мобилизации, не имеют белья, находятся в полуистлевшей от длительной и бессменной носки одежде, а члены семьи вынуждены носить одежду и обувь поочередно» [6, л. 1].

В записке Г.М. Маленкову нет слов о невозможности «оказать помощь на месте» и о нехватке централизованных фондов. Внимание скорее акцентируется на значении области в экономике страны («богатейшие залежи угля, марганца, железной и медной руды, бокситов...»). Ее составители апеллируют к предыдущим постановлениям правительства, в частности, к постановлению ЦИК и СНК СССР 1930 года, по которому ряд северных районов области и строительство НТМЗ были приравнены к районам крайнего севера и отдаленных местностей.

Большую часть документа составляют сами предложения по мерам закрепления кадров. Они затрагивают различные сферы: промышленность, науку, образование, искусство. Остановимся на тех мерах, которые имеют отношение к бытовым условиям работников предприятий. Так, авторами проекта предлагается ввести надбавки к заработной плате (повышенная зарплата по коэффициенту 1,3 и ежегодные надбавки 10% к основному окладу), льготы в налогообложении (до 40% по подоходному налогу), засчитывать год работы за

полтора, увеличить очередные отпуска. Большинство льгот зависело от срока работы в области (причем отсчет начинался с 1945 г., т.е. прежний стаж не учитывался). Для привлечения новых кадров из центральных и южных районов предлагалось «установить беспрепятственный отпуск с работы лиц, желающих выехать на постоянную работу в Свердловскую область с возмещением расходов по переезду вместе с членами семьи».

Ряд предложений косвенно свидетельствует о существующих практиках центральной власти. Например, область просит «при исчислении фондов...не засчитывать продукцию подсобных хозяйств и местные дополнительные ресурсы», а также – «запретить Наркомлегпрому и Наркомпищепрому производить отгрузку промышленных товаров, вырабатываемых на предприятиях области...до полного отоваривания местных фондов по промтоварам». Подобные меры можно расценивать как своего рода стремление к «самообеспечению».

В то же время авторы проекта рассчитывают на увеличение фондов централизованного снабжения. Так, они «предлагают» перевести все население городов и поселков с 1 июля 1945 г. на гарантированное карточное снабжение. В целях поощрения работников науки, литературы, искусства, специалистов и рабочих-передовиков просят выделять области ежегодно фонды на 300–400 легковых машин.

Весь проект по закреплению кадров оценивается составителями в 2,5 млрд. руб. ежегодно. Стоит отметить, что расходы государственного бюджета СССР на социально-культурные мероприятия в 1945 г. составляли 62,7 млрд. [5, с. 241]. Сопоставимая с запрашиваемой сумма – 2,1 млрд. – затрачивалась на государственные пособия многодетным и одиноким матерям. Однако, помимо денег область просит выделить ей – 3 494 т мяса-рыбы, 1 072 т жиров и 937 т сахара и кондитерских изделий.

Обращение к властям с целью получить особое снабжение для конкретного предприятия/города/области – обычная практика в советской системе. Что необычно в данной записке –

это не просто требование, а вполне обоснованный, на первый взгляд, проект. О реакции центра мы можем судить только по косвенным фактам. То, что проект был направлен в архив через неделю после выхода постановления СНК «О жилищно-коммунальном строительстве в городах и промышленных центрах Свердловской области» говорит о том, что он, безусловно, был рассмотрен и частично реализован. В постановлении 22 апреля 1945 г. акцент делался на усиление жилищно-коммунального строительства, его преимущественном ассигновании и выделении «лучших ИТР», «обеспечении рабочей силой, стройматериалами, транспортом» [8, л. 10].

Реализация пунктов о надбавках и коэффициентах в полной мере была осуществлена только в 60-е годы. Предложения о введении карточного снабжения во всех городах области вряд ли могло быть поддержано, учитывая, что в тот момент, напротив, шло сокращение категорий снабжения. Вряд ли были поддержаны и пункты о первоочередном отоваривании области, поскольку они противоречили сути системы централизованного планирования и снабжения.

Таким образом, можно рассматривать записку «О мерах закрепления кадров...» как частный пример, иллюстрирующий политику советской власти в этом вопросе. Представляется важным тот факт, что документ не содержит ни одного требования по ужесточению дисциплины. Закрепление кадров предполагается производить путем предоставления лучших бытовых условий.

Примечания:

1. *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А.А. Антуфьев. – Екатеринбург: УРО РАН, 1992.
2. Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – Екатеринбург: Баско, 2005.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 121. Л. 107-117.
4. Сборник законодательных и инструктивных материалов по жилищному хозяйству. – Минск, 1949.

5. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2003..
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 40. Д. 209. Л. 1.
7. ЦДООСО. Ф.1020. Оп. 2. Д. 266. Л. 21.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 214. Л. 10.